

Концепт сверхчеловека в русской литературе: философские истоки и художественные интерпретации

Дилара Алиева

Доктор философии по филологии, доцент
Бакинский Славянский Университет
E-mail: delara@inbox.ru

Резюме. Идея сверхчеловека, сформулированная Фридрихом Ницше, стала одним из наиболее значимых философских и культурных феноменов конца XIX – начала XX века. Она вышла за пределы собственно философского дискурса и оказала глубокое влияние на литературу, религиозную мысль, художественные практики и социальные проекты. В русской культуре эта концепция была воспринята особенно остро, поскольку совпала с эпохой духовных исканий, модернизации и революционных преобразований.

Для русских мыслителей и писателей сверхчеловек оказался не только символом индивидуальной свободы и самопреодоления, но и образом нового человека, способного преобразить общество. В интерпретациях Д.Мережковского, Н.Бердяева, А.Белого, М.Горького и других авторов идея сверхчеловека приобретала различные модальности – религиозную, эстетическую, социально-революционную. Она становилась метафорой. Они по своему услышали этот зов. Для одних сверхчеловек был религиозным образом, соединяющим язычество и христианство; для других – революционным героем, ведущим массы к свободе; для третьих – художником, творцом, воплощающим красоту и силу духа. В поэзии символистов и декадентов он становился демоническим воплощением эстетической свободы, в прозе Горького – образом «сильной личности», бросающей вызов буржуазной морали.

Идея сверхчеловека в России начала XX века превратилась в зеркало эпохи, в котором отразились её противоречия, надежды и стремление к созданию нового человека – свободного, сильного, готового к преодолению и преобразованию мира.

Ключевые слова: сверхчеловек, воля, символ свободы, концепция, мораль, метафора, философия, литература

История статьи: поступила – 03.03.2026; принято – 11.03.2026

Ədəbiyyatda supermen konsepsiyası: fəlsəfi mənşəyi və bədii şərhlər

Dilarə Əliyeva

Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru, dosent
Bakı Slavyan Universiteti
E-mail: delara@inbox.ru

Annotasiya. Fridrix Nitshe tərəfindən formalaşdırılmış Üstinsan ideyası XIX əsrin sonu – XX əsrin əvvəllərinin ən mühüm fəlsəfi və mədəni fenomenlərindən birinə çevrildi. Bu ideya sırf fəlsəfi diskursun hədədlərini aşaraq ədəbiyyata, dini düşüncəyə, bədii təcrübələrə və sosial layihələrə dərin təsir göstərdi. Rus mədəniyyətində bu konsepsiya xüsusilə kəskin qəbul edildi, çünki mənəvi axtarışlar, modernləşmə və inqilabi dəyişikliklər dövrü ilə üst-üstə düşürdü.

Rus mütəfəkkirləri və yazıçıları üçün Üstinsan yalnız fərdi azadlığın və özünüaşmanın simvolu deyil, həm də cəmiyyəti dəyişməyə qadir olan yeni insan obrazı idi. D.Merejkovski, N.Berdyayev, A.Bely, M.Qorki və digər müəlliflərin yozumlarında Üstinsan ideyası müxtəlif – dini, estetik, sosial-inqilabi modalılıqlara bürünürdü. O, bir metaforaya çevrilirdi.

Rus yazıçıları və mütəfəkkirləri – Merejkovskidən və Berdyayevdən Qorki və Lunaçarskiyədək – bu çağırışı hər biri özünəməxsus şəkildə qəbul etdi. Bəziləri üçün Üstinsan büt-pərəstliklə xristianlığı birləşdirən dini obraz idi; digərləri üçün kütlələri azadlığa aparan inqilabi qəhrəman; üçüncülər üçün isə gözəlliyi və ruh gücünü təcəssüm etdirən sənətkar, yaradıcı idi. Simvolistlərin və dekadentlərin poeziyasında o, estetik azadlığın şeytani təcəssümünə çevrilirdi; Qorkinin nəsrində isə burjua əxlaqına meydan oxuyan “güclü şəxsiyyət” obrazı kimi görünürdü.

XX əsrin əvvəllərində Rusiyada Üstinsan ideyası dövrün güzgüsünə çevrildi. Bu güzgüdə onun ziddiyyətləri, ümidləri və yeni insan yaratmaq arzusu – azad, güclü, dünyanı aşmağa və dəyişməyə hazır insan əks olunurdu.

Açar sözlər: Superman, iradə, azadlıq simvolu, anlayış, əxlaq, metafora, fəlsəfə, ədəbiyyat

Məqalə tarixçəsi: göndərilib – 06.04.2026; qəbul edilib – 21.04.2026

The concept of the superman in literature: philosophical origins and artistic interpretations

Dilara Aliyeva

Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor

Baku Slavic University

E-mail: delara@inbox.ru

Abstract. The idea of the *Übermensch*, formulated by Friedrich Nietzsche, became one of the most significant philosophical and cultural phenomena of the late 19th and early 20th centuries. It transcended the boundaries of philosophical discourse and exerted a profound influence on literature, religious thought, artistic practices, and social projects. In Russian culture, this concept was perceived with particular intensity, as it coincided with an era of spiritual quests, modernization, and revolutionary transformations.

For Russian thinkers and writers, the *Übermensch* was not only a symbol of individual freedom and self-overcoming but also an image of a new human being capable of transforming society. In the interpretations of D.Merezhkovsky, N.Berdyayev, A.Bely, M.Gorky, and other authors, the idea of the *Übermensch* acquired various modalities – religious, aesthetic, and socio-revolutionary. It became a metaphor.

Russian writers and thinkers – from Merezhkovsky and Berdyayev to Gorky and Lunacharsky – each responded to this call in their own way. For some, the *Übermensch* was a religious image, uniting paganism and Christianity; for others, a revolutionary hero leading the masses to freedom; for still others, an artist, a creator embodying beauty and the strength of spirit. In the poetry of the Symbolists and Decadents, he became a demonic embodiment of aesthetic freedom; in Gorky's prose, he appeared as the figure of a “strong personality” challenging bourgeois morality.

The idea of the *Übermensch* in Russia at the beginning of the 20th century turned into a mirror of the era, reflecting its contradictions, hopes, and the striving to create a new human being – free, strong, and ready to overcome and transform the world.

Keywords: Superman, will, symbol of freedom, concept, morality, metaphor, philosophy, literature

Article history: received – 03.03.2026; accepted – 11.03.2026

Введение / Introduction

Концепция сверхчеловека, разработанная Фридрихом Ницше, занимает центральное место в его философии. Несмотря на то, что в прологе «Так говорил Заратустра» она представлена лишь в общих чертах, из текста можно реконструировать её основные положения. Ницше стремился показать образ индивида, способного преодолеть ограниченность «человеческого, слишком человеческого» (Ницше Ф, 1994.,с.28) существования.

Основная часть / Main part

Сверхчеловек, по мысли философа, – это личность, которая отвергает навязанные обществом ценности и формирует собственные ориентиры. Он независим, свободен от стадного мышления и готов посвятить себя преобразованию человечества. Именно способность к созданию новых ценностей и внутренней автономии делает его выше тех, кто живёт по чужим правилам. Сверхчеловек у Ницше выступает как идеал нового типа личности, способной изменить ход истории.

Первым условием становления сверхчеловеком у Ницше – это дистанцирование от морали «стада». Под «стадом» философ подразумевает массы, лишённые индивидуальной воли и склонные жить по групповым инстинктам. В «По ту сторону добра и зла» Ницше описывает их как «меньший, почти комичный тип, стадное животное, жаждущее угодить, болезненное и посредственное» (Ницше Ф. 2005, с.117).

Стадо, по его мысли, делится на два типа: «последнего человека» и «раба». Последний человек – это образ посредственности, стремящейся лишь к комфорту и удовольствию. Такой индивид лишён творческого импульса и не способен видеть высшие ценности, которые могли бы вдохновить его на созидание. Раб же – это слабый и страдающий человек, полный обиды и ненависти к жизни. Его слабость порождает желание власти и склонность к угрозам, что становится формой компенсации.

Второй важный аспект сверхчеловека – любопытство и стремление задавать вопросы, которых избегают другие. Он должен быть свободным духом. Свободный дух осознаёт относительность всех ценностей и потому способен создавать собственные. Его сущность заключается не в фиксированных качествах, а в постоянном самопреодолении и переосмыслении себя. Как писал Ницше в «Слишком человеческом»: «Свободным духом называют того, кто думает иначе, чем того, что, исходя из его происхождения, окружения, его класса и профессии или на основе доминирующих взглядов эпохи, от него ожидали» (Ницше Ф. 2005, с.234).

Третьим важным условием для сверхчеловека является способность к постоянному самопереосмыслению. Однако этот процесс невозможен без утверждения себя в реальности через волю к власти. На данном этапе волю к власти можно понимать буквально – как стремление к господству, к контролю над собой и над другими. Эта тема у Ницше настолько значима, что заслуживает отдельного рассмотрения.

В «Так говорил Заратустра» философ пишет: «Человек есть нечто, что должно быть преодолено. Человек – это верёвка, натянутая между зверем и сверхчеловеком – верёвка над пропастью. Величие человека в том, что он мост, а не конец» (Ницше Ф, 1994, с.24). Эта метафора подчёркивает необходимость самопреодоления. Человек должен научиться властвовать над своим существованием, становясь мостом, ведущим других к высшему состоянию. Пропасть в данном образе символизирует трудности и риск неудачи. Путь к самопреодолению напряжён и опасен, но именно преодоление этих препятствий открывает

возможность движения вперёд. Важно понимать, что пересечение пропасти не является конечной целью – это лишь этап, ведущий к новым вершинам.

Из вышесказанного следует что, человек может приблизиться к состоянию сверхчеловека через критику собственных ценностей и постоянное преодоление себя. При этом сам сверхчеловек у Ницше не задаёт фиксированного пути или объективного смысла – он остаётся открытой возможностью, идеалом, который каждый должен искать самостоятельно.

В России имя Ницше стало символом новой эпохи, которую историки определили, как «Русский духовный ренессанс начала XX века» и «Серебряный век русской культуры». В конце XIX – начале XX столетия интерес к его творчеству приобрёл почти «эпидемический» характер. Однако в русском контексте восприятие философа отличалось от западноевропейского.

На Западе, начиная с Шопенгауэра, акцент философствования сместился от систематических абстракций к практическим и этическим вопросам: на первый план вышла проблема жизни, воли, действия. Там рассматривался реальный человек, живущий в конкретной исторической эпохе. В России же идеи Ницше воспринимались как призыв к свободе и творчеству, как вызов традиционным устоям. Русские мыслители увидели в нём проповедника новых духовных начал, борца за абсолютные ценности.

Если на Западе ключевыми понятиями стали «воля к власти», «нигилизм» и «переоценка ценностей», то в России особое внимание уделялось идее сверхчеловека, которая приобрела религиозно-метафизическую окраску. Русские читатели доверились пророческим словам философа: «Да, я провозвестник молнии, я тяжёлая капля из тучи: но молния эта – сверхчеловек» (Ницше Ф, 1994, с.21). Учение о сверхчеловеке стало центральным пунктом его философии для российских поклонников и одновременно предметом ожесточённых споров среди его противников.

Уже в 1899-1901 годах вокруг понятия «*Übermensch*» развернулась оживлённая полемика. На рубеже столетия появились первые попытки систематизировать различные интерпретации образа сверхчеловека. Так, в 1906 году С. Знаменский в работе «Сверхчеловек Ницше» выделил две основные концепции: биологическую, трактующую сверхчеловека как «*homo supersapiens*» в духе дарвиновской эволюции, и культурно-историческую, где сверхчеловек понимался как «*homo sapiens perfectus*» – высший тип человека (Знаменский С.П 2001, с.344). Позднее возникли и другие прочтения: культурно-этическое (Н.Авксентьев, Н.Абрамович), религиозно-метафизическое (А.Белый, Н.Бердяев, Д.Мережковский), социально-аристократическое (Е.Тарле, Ф.Зелинский).

Для одних мыслителей сверхчеловек стал религиозным образом, соединяющим небесное и земное; для других – революционным героем, ведущим массы к свободе; для третьих – художником, творцом, воплощающим красоту и силу духа. В этом многообразии интерпретаций проявилась универсальность идеи: она стала зеркалом эпохи, отражающим её надежды, противоречия и стремление к обновлению.

Русские интерпретаторы искали истинный смысл сверхчеловека в мифологических и культурных традициях. Его сопоставляли с героями античной Греции, персонажами скандинавских саг и германских легенд. В русской литературе сложились два основных подхода к осмыслению идеи: «филологический», основанный на анализе этимологии термина *Übermensch*, и «археологический», связанный с обращением к фигуре Заратустры, основателя зороастризма, ставшего прототипом ницшевского пророка.

Заратустра в философии Ницше выступает не как сам сверхчеловек, а как его предвестник, создающий условия для рождения нового типа личности. Он призван помочь человеку преодолеть самого себя, стать мостом к высшему состоянию. В этом образе

соединяются противоречия – лёгкость и тяжесть, игра и серьёзность, злость и легкомыслие. Именно в этой широте и способности удерживать противоположности Ницше видел проявление величия, которое должно воплотиться в сверхчеловеке.

Вопрос о сущности сверхчеловека всегда оставался предметом оживлённых дискуссий. Сверхчеловек у Ницше – это не просто физически сильная личность, но человек, обладающий выдающимися духовными и интеллектуальными качествами.

В литературе данная идея получила отражение и в творчестве М.Горького. Например, в рассказе «Старуха Изергиль» через образы героев автор раскрывает стремление личности к свободе, независимости и самовыражению, показывая при этом трагическую сторону такого пути. В произведении мы встречаем два контрастных образа – Данко и Ларру. Данко символизирует сверхчеловека, готового пожертвовать собой ради других. Его поступок – вырывание сердца, чтобы осветить путь людям в тёмном лесу является метафорой высшей жертвы и свидетельством морального величия. Он не просто герой, а воплощение идеи служения человечеству и стремления к свободе. Ларра, напротив, представляет другую грань сверхчеловеческой природы. Обладая выдающимися способностями, он отвергает общество и его ценности, выбирая путь одиночества. Его гордость и высокомерие приводят к трагическому исходу: он остаётся одиноким и непонятым. Таким образом, Ларра становится символом разрушительной стороны стремления к абсолютной независимости.

Сопоставление этих двух образов показывает двойственность идеи сверхчеловека: она может быть, как благородной и созидательной, так и разрушительной. Горький подчёркивает, что истинный сверхчеловек не может существовать вне связи с людьми, иначе его путь приведёт к изоляции и трагедии. В итоге рассказ «Старуха Изергиль» ставит важные вопросы о природе человека, его стремлениях и последствиях выбора. Эти идеи остаются актуальными и сегодня, поскольку затрагивают вечную проблему баланса между свободой личности и её ответственностью перед обществом.

Известно, что Горький внимательно изучал труды Ницше. Писатель даже стилистически приближался к немецкому философу, используя его речевые обороты и отдельные фрагменты. Л.А.Колобаева фиксирует несомненное влияние эстетики Ницше на раннее творчество Горького. Более того, в 1899 году он возглавил литературный кружок, занимавшийся изучением наследия Ницше. Уже в начале XX века современники называли его «нашим ницшеанцем-самородком», сумевшим заменить смиренное настроение эпохи на воинственную бодрость. Сам Горький позднее, в «Беседах о ремесле» (1930), признавался, что «снабдил» некоторых своих героев элементами философии Ницше.

В то же время русский писатель преломлял идеи Ницше через собственную социально-героическую семиосферу, формируя оригинальную модель интерпретации сверхчеловека. Творческая эволюция М.Горького демонстрирует его противоречивое отношение к философии Ф.Ницше. Уже в 1920–1930-е годы писатель критиковал немецкого мыслителя за «проповедь жестокости» и оправдание рабства, которое, по мнению Ницше, необходимо для формирования «людей высшего типа – сверхчеловека». Такая позиция Горького была во многом обусловлена идеологическим контекстом советской эпохи, где философия Ницше подвергалась осуждению и постепенно оказалась фактически табуированной.

Однако критика Горького имела не только политико-идеологическую, но и содержательную основу. Как сторонник социальной демократии и эгалитаризма, он не мог принять аристократические устремления Ницше. В то же время в конце XIX века мировоззрение Горького оказалось созвучно ряду идей немецкого философа, которые писатель художественно воплотил в своих произведениях. Его условное «ницшеанство» проявилось в темах протеста против буржуазной культуры, героического пафоса, апологии свободы, утверждения концепта «сильной личности» и нигилизма.

Особое место в этом контексте занимает рассказ «Песня о Соколе», насыщенный символизмом и представляющий собой своеобразную художественную проекцию идеи сверхчеловека. Сокол и Уж – главные персонажи произведения – воплощают противоположные жизненные модели. Сокол символизирует героическую борьбу, полёт и преодоление, тогда как Уж олицетворяет прагматизм, спокойствие и довольство земным существованием. Их конфликт раскрывает противопоставление деятельного отношения к жизни и философии «фатального равенства». Через образ Сокола Горький прославляет «безумство храбрых», готовых жертвовать собой ради свободы и борьбы (важно также отметить, почему именно сокол является символом победы, силы духа, храбрости и свободы. Дело в том, что соколы не образуют стай как другие птицы; это индивидуальные хищники так сказать одиночки воины-единоборцы, символизирующие свободу, мужество и силу) (по мнению Алиевой Д.Р.). Гибель Сокола приобретает общественный смысл: она способна «зажечь безумной жадной свободой» множество сердец, пробудив в массах стремление к переоценке жизненных ценностей. Таким образом, художественный символ «сокол» становится метафорой сверхчеловека, воплощающего идею постоянного преодоления и героического действия. Этот образ прочно закрепился в культурном пространстве и продолжает восприниматься как символ свободы и духовной силы.

Символ полёта, стремления к небу и преодолению земной ограниченности оказывается метафорой преображённого человека, устремлённого к высшему состоянию. Эта символика деятельной модели «нового человека» получает развитие в реалистической прозе М.Горького. В его ранних рассказах формируется концепт «сильной личности», основанный на идеях абсолютной свободы, независимости, внутренней силы, а также на элементах нигилизма и асоциальности.

Подобные черты проявляются в героях Челкаша, Зобара, Рады, Мальвы, Силана. Для них преступление становится не столько моральным падением, сколько выражением жизненной энергии и силы. Как отмечает Ю.П.Соколова, нарушение общественных норм у этих персонажей является «свидетельством жизненной силы» (Соколова Ю.П. 2002, с.89). Таким образом, традиционная этика и социальные правила воспринимаются как ограничители «полноты жизни», а их преодоление – как путь к утверждению подлинного человеческого начала и свободы, которая для героев Горького является высшей ценностью. В их мировоззрении также прослеживается мысль о том, что вера в Бога как абсолютный нравственный ориентир ограничивает жизненную силу человека. Приоритеты героев расставлены иначе: «жизненная свобода», дарующая полноту бытия, оказывается важнее общественной морали, которую они воспринимают как «рабскую».

Раннее творчество Горького демонстрирует становление образа «сильной личности», в которой соединяются протест против традиционных устоев, героический пафос и стремление к свободе, что делает его художественный дискурс созвучным философским поискам конца XIX века.

Особенно показательно сопоставление двух центральных персонажей рассказа М.Горького «Челкаш». Сам Челкаш – «ловкий, смелый вор» и «заядлый пьяница» — предстает как воплощение «свободного человека» (Горький, 1979, с.132). Его образ нарочито агрессивен и хищен, что усиливает сравнение с ястребом. Гаврила же — скромный крестьянин, приехавший в город на заработки. Внешне он тоже силен, но его сила носит иной характер: она приземлённая, лишённая экспрессии и внутренней свободы. Для него пределом свободы остаётся Бог, а пространство его жизни определяется деньгами, что в глазах Челкаша превращает его в «жадного раба». Противопоставление «господина» и «раба» строится вокруг категории свободы. Челкаш ощущает себя выше, именно потому что живёт в пространстве свободы, и это рождает в нём одновременно жалость и ненависть к Гавриле. Однако сам

Гаврила, несмотря на страх и уважение к Челкашу, приходит к выводу о «ненужности» такого человека для мира. Здесь возникает драматический диссонанс: превосходство «сверхчеловеческого» типа оказывается сопряжено с его социокультурной ненужностью.

Символическое прочтение конфликта Челкаша и Гаврилы позволяет увидеть архетипическое столкновение двух начал – воздуха и земли. Воздух символизирует свободу, независимость и жизненную энергию, тогда как земля – традицию, укоренённость и ограниченность. В этом противостоянии моральную победу одерживает свобода, представляющая собой новую ценностную модель, возвышающую «нового человека». При этом оба героя существуют в реалистичной бытовой среде, что делает их презентаторами конкретной социокультурной реальности. Горький чутко уловил момент ценностно-антропологического перелома в культуре и художественно исследовал его, формируя дискурс «рассказов о новом человеке». В этом контексте сверхчеловек понимается как социально и ценностно трансгрессивный революционер.

Таким образом, образы Сокола и Челкаша отражают дух революционной эпохи и антропологические искания времени. Именно они во многом подготовили почву для концепта «советского человека», ставшего новой страницей культурной феноменологии идеи сверхчеловека. В этом смысле можно согласиться с Т.Манном, видевшим в творчестве Горького своеобразный путь от Ницше к советскому социализму, где идея сверхчеловека обрела особую культурную модальность.

Идея сверхчеловека занимает одно из ключевых мест в творчестве Д.Мережковского, воспринимаемая им прежде всего, как религиозно-философская проблема. «Сверхчеловек – это последняя точка, самая острая вершина великого горного кряжа европейской философии... Дальше некуда идти: обрыв и бездна, падение или полёт: путь сверхчеловеческий – религия» (Мережковский, 1905, с.119), – писал мыслитель.

Идея сверхчеловека, рожденная в философии Ницше, оказалась для русской культуры начала XX века не просто философской концепцией, а настоящим вызовом. Она проникла в литературу, религиозную мысль, художественные искания и стала символом поиска нового человека, способного преодолеть старые устои. Для Д.Мережковского сверхчеловек был, прежде всего, религиозно-философской проблемой. В ранних произведениях он видел в ницшевском герое воплощение индивидуализма, силы искусства и красоты, а в стихотворении «Микеланджело» художник предстает демоническим разрушителем старых идеалов. Позднее, обращаясь к трилогии «Христос и Антихрист», Мережковский пытался соединить язычество и христианство, но в зрелые годы пришёл к выводу, что сверхчеловек Ницше – лишь тень того, что уже воплотилось в образе богочеловека Христа (Мережковский, 1909, с.112). Его герои – Юлиан Отступник, Леонардо да Винчи, Пётр Великий воплощают идеал объединителя язычества и христианства (Мережковский Д.С 1909, с.123). В этом случае сверхчеловек становится религиозным образом, мостом между небом и землёй, плотью и духом.

Заключение / Conclusion

Идея сверхчеловека, рожденная в философии Фридриха Ницше, стала не только интеллектуальным вызовом эпохе, но и культурным символом, который нашёл отражение в литературе, искусстве и общественной мысли. В России начала XX века она превратилась в зеркало времени, отразившее противоречия, надежды и стремления к созданию нового человека.

Таким образом, концепция сверхчеловека в русской культуре начала XX века была не просто философской метафорой, но и живым образом, который вдохновлял писателей,

мыслителей и художников. Она стала частью духовного поиска, революционных устремлений и художественных экспериментов, оставив глубокий след в истории литературы и культуры.

Сверхчеловек – это не просто персонаж или философская формула. Это вечный символ полёта, стремления к преодолению и жажды свободы. Он рождается там, где человек решается выйти за пределы привычного, бросить вызов судьбе и самому себе. И потому в каждом новом культурном контексте он звучит по-разному, но всегда остаётся знаком того, что человек способен быть больше, чем он есть.

Литература / References

- Горький М. (1979). *Собрание сочинений*: в 16 т. Москва, т.1, 432 с.
- Знаменский С.П. (2001). «Ницше: pro et contra» издательства Русского Христианского гуманитарного института. Санкт-Петербург.
- Мережковский Д.С. (1896-1905) *Христос и Антихрист*. СПб.
- Мережковский Д.С. (1909). *Лермонтов. Поэт Сверхчеловечества*. СПб.
- Ницше Ф. (1994). Так говорил Заратустра. Москва: Прогресс.
- Ницше Ф. (2005). «По ту сторону добра и зла», «Казус Вагнер», «Антихрист», «Ессе Номо», «Человеческое, слишком человеческое», «Злая мудрость». Сборник произведений Мн.: Издательство «Харвест». ISBN 985-13-0983-4
- Соколова Ю.П. (2002). *Архетип «Ницше» в русской литературе 1890-1910 гг.* дис. канд. филол. наук. Магнитогорск, 170 с.